

78.01.06

Неотребко Анна

Культура. - 2006 - Их первая "Богема"

12-18 янв -
с. ф

Анна Нетребко и Роландо Вилазон вместе спели в Мариинке

А.Нетребко и Р.Вилазон в сцене из спектакля

В конце декабря – начале января Мариинский театр собрал своих оперных звезд, в обычные дни разъезжающих по всему свету. В спектаклях театра приняли участие Ольга Бородина, Лариса Дядькова, Николай Пutilин. И все-таки особое внимание привлекла "Богема", в которой состоялось сразу несколько примечательных дебютов: Валерий Гергиев впервые дирижировал этой оперой, Анна Нетребко первый раз в жизни пела Мими, и, наконец, впервые перед российской публикой предстал известный мексиканский тенор Роландо Вилазон.

33-летнего мексиканца называют одним из возможных наследников славы "трех теноров". Его дуэт с Анной Нетребко поставил прошедшим летом рекорд Зальцбургского фестиваля: билеты на "Травиату" с их участием шли на черном рынке по 1000 евро. Это денежное выражение популярности артистов не так уж нелепо, как может показаться на первый взгляд: карьеры Вилазона и особенно Нетребко выстраиваются по законам масскультуры и лучше всего могут быть оценены в ее параметрах. К чести певцов, они оставляют менеджерам менеджеров и выходят на

сцену без груза своих рекламных контрактов. Их живая непосредственность сразу подкупила публику, и успех спектаклю был обеспечен с самого начала.

Постановка английского режиссера Иана Джайда, идущая в Мариинском театре, выгодна для исполнителей. В ней нет ничего особенно экстравагантного и оригинального, мизансцены выстроены логично и удобно. Перенос действия в 1930-е годы, с одной стороны, сохраняет временную дистанцию и не требует прямого соотношения с современностью, с другой – позволяет обойтись без воспроизведения далеких от нас реалий XIX столетия. Казалось бы, Вилазон, сыгравший и спевший Рудольфа десятки раз, должен в таких условиях оказаться на первом плане. Ничуть не бывало – порой он выглядел излишне суетливым на фоне несколько заторможенного спектакля, порой сознательно ограничивал себя в угоду ансамблю. В чем его уж точно не обвинишь, так это в излишнем премьерстве. Несколько неожиданным оказался не слишком крупный голос потенциального "наследника Доминго", что было особенно заметно на фоне Евгения Никитина, певшего Коллена. Впрочем, возможно, Вилазону мешал предстать в полном блеске петербургский климат, который доставляет немало неудобств многим певцам. Не очень уверенно спетые им

финальные такты первого акта позволяют предположить именно это. Возможность проверить данное предположение вскоре выпадет москвичам, перед которыми Вилазон и Нетребко предстанут 22 января в концертной программе.

В любом случае даже одного спектакля достаточно, чтобы понять, что голос Вилазона хорошо выстроен по всему диапазону. Плюс к тому он обладает довольно редким в наши дни навыком не злоупотреблять открытым звуком на верхних нотах. "Богема", спетая в такой манере, доказывает: ставший почти обязательным со времен Калласа и ди Стефано открытый звук как признак драматизма вовсе не является неизбежной уступкой, которую классическая вокальная школа должна принести современности.

Нетребко и Вилазон не зря поют вместе. Они хорошо смотрятся рядом на сцене. Их голоса гармонично звучат вместе, это действительно хорошая пара, по которой явно соскучилась публика в наши времена индивидуализма звезд. Именно Нетребко с Вилазоном первыми подняли градус спектакля от "благополучно" до "волнующе". Замечательным стал их дуэт в третьем действии, когда уже не требовалось играть подспудный драматизм (этого Нетребко как раз совсем не удалось, а может, и не следовало делать в первых двух дейст-

виях). Обреченность любви, которую чувствуют в этот момент герои, дала возможность певцам проявить свои лучшие качества.

Анна Нетребко далеко не так безупречна в смысле пения, как Вилазон. Недостатки в ее вокальной подготовке при желании найти легко. Тем не менее этого не хочется делать, особенно после отменно сыгранной и спетой ею сцены смерти Мими. Это было высшим проявлением артистизма – минимум внешних приемов при максимальном внутреннем наполнении. Голос Мими медленно таил в воздухе, уходя куда-то в глубину. Света, исходящего от нее, становилось все меньше. Не требовалось даже реакции других персонажей, которыми Пуччини скрупулезно разметил весь финал оперы.

Вопреки обыкновению, довольно трудно написать о работе Валерия Гергиева. "Богема" ему удалась, спору нет. Но никакой "победительности" или "масштабности" в этом не было. Дирижер предстал непривычно бережным, внимательным к мелочам. Редко достигаемое в Мариинке единство воплощения – такое немного неожиданное ощущение осталось от спектакля, от которого, судя по афише, стоило ждать прямо противоположного.

Дмитрий АБАУЛИН
Фото Натальи РАЗИНОЙ